

К ВОПРОСУ ОБ ОБРАЗАХ КОШАЧЬИХ В КУЛЬТУРЕ И РЕЛИГИИ (МАНИХЕЙСТВЕ) НАРОДОВ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Богатая история народов Центральной Азии имеет яркие образы культуры, уходящие в далекое прошлое. Одним из таких образов, или даже культов, являются культы животных из семейства кошачьих (барс, тигр, лев), широко распространенных у народов Центральной Азии. Природное распространение этих хищников в мире обширно, что касается Казахстана, то это барсы. Символом города Алматы является барс, что и отражено в гербе города. Более древняя традиция отражена в средневековом Самарканде, где герб представлен в виде двух барсов (львов), изображенных на одной из стен дворцового комплекса Ригистан. Лев имеет свои корни в Передней Азии, Индии и в Центральной Азии появился через Согд.

В президентском центре культуры в Астане находится интересный трон, ручки которого оформлены в виде головок барсов. В честь независимости нашей республики был сооружен великолепный архитектурный ансамбль: Золотой человек в сопровождении снежного барса, возвышающегося на высоком пьедестале. Я не удивилась тому, что из своего путешествия по свя-

тым местам Южного Казахстана, я привезла фотографии с изображениями барсов, которыми оформлены мазары. Эти символы прошлого вплетены в концепцию духовности и поэтому непротиворечиво отражены в символах веры.

В культуре народов Центральной Азии кошачье животное выступает в качестве тотема, осмысление и культивация которого происходила в обществе древних людей, веками перерабатывалось, но при этом сами эти животные могли обитать в этих широтах, а затем исчезали из-за деятельности человека. В сознании же людей мифологическое прошлое восстанавливается в образах культуры, верований, представлений, искусства. При этом наше мифологическое бессознательное не дифференцирует и не подчиняет себе образ древнего тотема барса или льва логике объяснения «а почему?». В науке давно принято понимать, что образ льва имеет переднеазиатские корни, восходит к древней истории Ирана ахеменидского периода, в культуре которого образ льва обозначал власть, могущество, силу и связан с древним культом богини Иштар вавилонского периода.

Образ льва – достаточно распространенное явление в мифологиях и верованиях многих народов. Если мы обратимся к истокам появления образа льва, то обнаружим, что он имеет изначальные корни в культе богини Наны. Культ богини Наны имеет ближневосточное происхождение, он появляется во время существования третьей династии Ур и ассоциируется с богиней Иштар. Воинственная богиня Иштар была, по одной из версий, дочерью бога Луны Нанна и сестрой бога Солнца Уту (Шамаш). Представления о богине Нана\Иннана\Иштар переходят в государство Урук в северную Месопотамию, и являются ключевыми в древневавилонский период. В иконографии Центральной и Северной Азии образ богини Нана сопровождался изображениями льва (Madhuvanti Ghose, p. 97-98). В культуре древнего Ирана лев имел воинственные, охраняющие функции, изображался как атрибут царской власти.

В III веке в междуречье Тигра и Евфрата, на территории древней Вавилонии, в период существования многочисленных религиозных общин, зародилась новая религия пророка Мани – манихейство, в которой образ льва сформировался в рамках канонизированного представления. Когда будущему пророку Мани исполнилось 24 или 25 лет, он был вынужден покинуть свою мандейскую общину, исповедовавшую гносеологические и аскетические принципы многочисленных форм существующих в то время верований (Виденгрэн, с. 47). Первый путь проповедника пророка Света, как обычно называют эту в то время еще не сформировавшуюся религию, проходил по территории современного Пакистана, в этот период это были иранские провинции Туран и Мукран, где существовало сильное парфянское влияние, а среди населения еще со времен юэчжийско-сакской династии был распространен буддизм.

Как известно, первые упоминания о юэчжи содержатся в китайских летописях во время существования империи сюнну, возвышение которых произошло в 109 г. до н.э. и связано с именем Модэ-шаньюя. Сыма Цянь сообщает: «Округа Ляннчжоу, Ганьчжоу, Сучжоу, Гуанчжоу, Шачжоу и другие – это земли государства Юэчжи» (Зуев, с. 20). Юэчжи жившие между горами Цилян и Дуньхуаном, представляли собой гинекократическое общество, в котором были сильны матриархальные права и культы, а термин юэчжи означает «род Луны» (Зуев, с. 20). В результате длительной войны в 172-164 гг. до н.э.

юэчжи были покорены, установились даннические отношения, с включением побежденного войска в состав империи сюнну, а на ежегодных съездах правитель юэчжи приезжал в ставку сюнну, чтобы продемонстрировать свою покорность (Зуев, с. 16).

Другим следствием поражения юэчжи была миграция их значительной части на территорию современной Средней Азии, Афганистана, Пакистана. Китайский летописец о мигрировавших юэчжи писал: «Когда царь больших юэчжи был убит хусцами (сюнну, 176 г. до н.э.), царицей стала его супруга. Она покорила Дася (Бакрию) и властвовала над ней» (Зуев, с. 20). Племена юэчжей завоевали Греко-Бактрию, одну из знаменитых сатрапий Ахеменидской эпохи (Джандосова, с. 9). Гинекократические корни юэчжи восстановили культы богинь в покоренных областях Ближнего Востока и Месопотамии, а в памяти Китая оставили образ иноземной богини Си-ван-му «Матери-царицы Запада», обитавшей на вершинах гор Куньлунь (Зуев, с. 14). В Греко-бакрийском искусстве культ богини Нана в сопровождении льва вновь становится ведущим и узнаваемым, а знаменитый царь Канишка, помня о своем происхождении от лунных юэчжи, включает образ луны в свою титулатуру. Также в тот период Бактрия становится главным очагом буддизма.

Интересно, что в период династии Хань живой лев появился как подарок китайскому двору, преподнесенного правителем юэчжи. В 87 г. н.э., когда Восточным Хань правил император Чжан, парфянский царь подарил китайскому правителю льва. В Китае лев, диковинное животное, произвел неизгладимое впечатление на императора и, как показывают археологические находки, первые изваяния львов появляются в 25-200 гг.

Путешествие Мани и его последователей, отца Патика и двух юношей Симеона и Абизахию, по восточным провинциям Сасанидского Ирана привело к тому, что впоследствии элементы буддизма сказались в организации манихейской церкви, в методах манихейской проповеди (Виденгрэн, с.24; Tongerloo, с. 262-288), а также, вероятно, в канонизации образа льва как ассоциация и тождество образа темных сил нового дуалистического учения Света. В коптском манихейском трактате «Кефалайя» говорится: «Что до Царя Мрака, то в нем есть пять форм: голова у него – как у льва...» (Кефалайя, 30, стк. 35).

Согласно манихейскому вероучению, мир

изначально состоял из двух основ Света и Мрака, которые находились совершенно изолированно друг от друга. Однако из-за зависти и злобы силы Мрака затеяли войну против Света Живого, эта война и привела к образованию материального мира Смешения, в котором находится и сам человек как сущность материального и духовного, темного и светлого. Манихейский мир Смешения не есть только материальное, но и духовное, это есть соединение частиц от светлого начала и от темного начала, есть то, что составляет бытие. Однако при этом первостепенной задачей сил Света является осуществление изначальноного разделения частиц светлого начала от темного. А задачей Мрака является стремление не допустить этого разделения, сохранить мир Смешения как область своего завоевания (Кефалайа, 3-4).

Манихейство, являясь гносеологическим и дуалистическим учением, осознавало существование двух изначально существующих, постоянных и противостоящих друг другу начал. При этом во время жизни Мани и проповеднической деятельности его последователей учение углублялось, постоянно пребывая в поисках выявления примеров дуальности бытия, человеческого общества, это была и часть миссионерской работы – воспринимать из других учений и верований приемлемое и включать в учение. Постоянным и неизменным в данном процессе, вероятно, признанным китайскими философами «вредоносным», оставалось дуалистичность доктрины, вера в изначальноное разделение Света и Мрака, их совершенное отличие. «Силы Мрака возжаждали высоты, взошли к высоте, захватили ее, чтобы разделить свет, который в ней... (стк. 5) Мрак повел войну со Светом, желая царствовать над сущностью, которая ему не принадлежала (стк. 1)» (Кефалайа, 3, 4). В этом смысле образ богини Нана в сопровождении льва мог бы понят как воплощение светлого и темного, одно из примеров соединения светлого и темного, позитивного и противоречивого, это культ божественный, включенный в манихейскую доктрину.

В тюркский период существование образа льва в иконографии, скульптуре и этнонимике, возможно, является преемственностью, идущей к лунным юэцжи. На тюркском материале образ льва присутствует как название отдельных племен и обозначение титулов, рангов и собственных имен: арслан-эдиз, чигиль-арслан, Арслан-иркин, шир-карлук, Арслан-тегин, Арслан Менгю и т.д.

В середине VI века на огромной территории Центральной Азии образовался Тюркский каганат и с этого времени во всех известных письменных источниках появляется этноним или политоним «тюрк». По нашим представлениям, каганат объединил в своем составе кочевые племена и оседло-земледельческие области Средней Азии и Восточного Туркестана, огромный этнокультурный пласт различных индо-европейских племен вошел в состав каганата и с тех пор эта эпоха во всемирной истории стала называться тюркской.

Ближе к тюркскому периоду из учеников и последователей Мани мар Аммо обращал в новую веру жителей Абаршахра (Нишапура), Мерва, при нем Хорасан стал основным центром манихейской церкви и базой для распространения манихейства на восток, в княжества Восточного Туркестана, в страну тюрков и Китай. Мар Аммо побывал в долине Окса (Амударьи), где основал манихейскую общину. Известно, что в период тюркских каганатов согдийское торговое преимущество в Средней Азии стало действенным инструментом передвижения новых религиозных и культурных ценностей, караванные пути были эффективным способом распространения учения Света, а манихейцы в лице согдийцев часто бывали купцами. Предпочтение торговой деятельности нашло отражение и в манихейском учении, а в одном из документов говорится, что Мани дал приказ Аддаю: «Не уноси их (проповеди) дальше, но оставайся там (т.е. в тех землях, где распространяешь учение) как купец, который открывает сокровище!» (Веденгрэн, с. 59). В этом отношении пророчески звучат слова Мани: «Вера моя ясной бывает в каждой стране и на любом языке и распространяется в далекие страны» (Кац, с. 170). Проходя по новым путям и знакомясь с различными культурами и верованиями, миссионеры включали в учение Мани новые примеры дуализма человеческого бытия, образы Митры, Иисуса, Будды и другие отождествляются с образами манихеизма. Например, Мани считал Будду своим предшественником. Х.-Й. Климкайт, отмечал, что влияние буддизма на манихейство происходило на первоначальном этапе, а в дальнейшем центральноазиатское манихейство стало оказывать влияние на буддизм (Klimkeit, с. 221.). По мнению Л.Р. Кызласова, древние саяно-алтайские тюрки после прихода к ним манихейского вероучения уже не остались «обычными шаманистами», а, приняв манихейство, они превратились в «сибирских манихей-

цев», потому что здесь манихейство, «подчиняясь своей природе синкретического развития и приспособления, впитало в себя и видоизменило местные южносибирские шаманистские культы» (Кызласов, 1999, с. 39).

Известия о тесных связи тюрков и согдийцев известны по многим письменным источникам. Согдийцы в тюркских каганатах выполняли важную роль; они были купцами, послами, миссионерами, советниками. Это через согдийских купцов тюрки приобщались к религиям и учениям и становились адептами манихейской церкви. Именно в Согде исследователями были обнаружены кушанские монеты с изображениями богини Нана (Анахиты), восседавшей на льве. В Пенджикентском городище в настенной живописи было изображено божество, восседавшее на престоле в виде льва. Также на хорезмийских серебряных чашах изображена богиня, восседающая на льве, атрибутами которой являются символы солнца и луны, чаша и скипетр (Дьяконова, Смирнова, 1961 с. 77-82).

В тюркской культуре мы встречаем обозначение льва в двух формах шир/шер и арслан/арстан. Термин арслан употребляется в ряде письменных источников, среди которых фрагменты манихейской «Священной книги двух основ» (İki ünlüz nom), «Продолжение истории Агафьевой», тексты манихейского содержания из Турфанского оазиса, сочинение Юсуфа Баласагуни (1069-1070 гг.) «Кудадгу билиг» и в других источниках.

В «Продолжении истории Агафьевой» Менаандра под 576 г. рассказывается о прибытии в Западно-тюркский каганат византийского посольства во главе с Валентином Меченосцем: «Посольство достигло того края, где были военные знаки Турксанфа, одного из князей тюркских, который приезжающим в эту страну попадает навстречу прежде других». «Старейший же единоподержец тюркский называется Арсила» (Менаандр, с. 370-375, 380, 416-422). Словом «Арсила» здесь передается тюркский термин арсылан/арслан – «Лев» (Chavannes, с. 240). Лев не был известен в фауне Семиречья и большей части Центральной Азии. Северо-восточным пределом обитания персидского льва был Согд (Лившиц, с. 55). Поэтому наиболее ранним его обозначением в тюркских языках было среднеперсидское слово шир/шер (Зуев, Торланбаева, с. 15). Его собственно тюркское название арсылан/арслан было вторичным, несмотря на его упоминание в письменных источниках уже в VI веке (Севортян, с. 177-179). На первых порах эти два термина обозначения льва сосуществовали.

В тюркской культуре лев обозначал понятие смелости, геройства, храбрости: «Храбрый воин, когда видит войско, становится львом – *serig kirsd alp er kir arslan bolur*» (Древнетюркский словарь, с. 55). Из тюркских языков термин арслан/арстан перешел в монгольские языки с тем же значением в форме арстан/эрслэн (*arstaŋ/ersleŋ*), одним из его обозначений было «лев особой породы, пятицветный лев» (Севортян, с. 178). Если мы вспомним пять стихий темных сил, которые боролись с пятью воинами Первочеловека, вышедшего от отца Величия, то пятицветие монгольского арстана, возможно, сопоставимо с силами стихий мира Смещения манихеизма и является отголоском ранее существовавших представлений.

Другим письменным источником, содержащим сведения о существовании в этнонимике и социальной терминологии термина со значением «лев», являются фрагменты утерянной «Священной книги двух основ» (*İki ünlüz nom*), тюркско-манихейского трактата, обнаруженные экспедицией А. фон Лекока в 1907 г. в селении Караходжо (Турфанский оазис). Эта «Книга» была посвящена правителю из чигиль-арсланов по имени Иль-тиргюг, алп-бургучан, алп-тархан (Henning, с. 552). Ее составление относится к первой четверти VIII века и одним из тех, кто пользовался этой «Книгой», был Арслан Менгю.

О слове шир (шер, шар, хшадрийа) И. Маркварт писал, что в восточноиранских диалектах оно могло означать «князь», но позднее обрело значение «лев» и переводилось арабскими писателями в сочинениях о Средней Азии как асад «лев» (Marquart, с. 23). В этом значении оно встречается в составе титулов правителей Бамиана, Гарчистана, Хутталя и Ревшарана. К перечисленным можно добавить титулы государей Иштихана «Шер-ахур» и Кеша «Шер-ахур» (*kit. ши-ахэ*) и др. «львом (шир) страны» называет Наршахи тюркского правителя в согдийском Пайкенде (Байкент) в Бухаре, сына Кара-чора. Такое же понимание следует из турфано-уйгурских генеалогий, где Тоньюкук назван предком Турфанских арслан-эдизов (Зуев, с. 134). При исследовании вопросов этно-культурной преемственности Турфанских уйгуров от уйгуров орхоно-селенгинских А. фон Габэн отмечала, что их «дворянская» фамилия «арслан» эквивалентна среднеиранскому слову шир/шер «лев». Потомки Тоньюкука в Уйгурском каганате названы как: «... их называли шэ (шер), а также ша-р (шар)» (Габэн, с. 190).

В период западных тюрков и их преемников тюргешей центром распространения манихейства была Таласская долина в центре с городом Талас (кит. Долосы). В «Священной книге двух основ» эта область была названа «городом славных и благословенных воинов-чериков» – Аргу-Талас (вар.: Altun Argu Talas, Argu Talas, Argu Talas ulus). «Книга» была написана, «чтобы пробудить веру в стране десяти стрел (он оқ, западных тюрков)» (Кляшторный, с. 131). В «Словаре тюркских наречий» (Divanu lugat-it-turk) Махмуда Кашгари даются сведения о том, что страна Аргу-Талас существовала еще во времена победных походов в Среднюю Азию легендарного Зу-л-Карнейна – «Двурогого» (Александра Македонского, IV в. до н.э.). Махмуд Кашгари располагал ее на землях «от Баласагуна (совр. Бурана, в Чуйской долине, нынешняя территория Кыргызстана) до Испиджаба (совр. селение Сайрам недалеко от Чимкента, территория Казахстана)» или «от Баласагуна до Тараза». Жители этой страны говорили по-согдийски и по-тюркски (Махмуд Кашгари, I, с. 393).

Изучению вопроса тюркского манихейства в истории Центральной Азии были посвящены отдельные исследования и раздел монографии известного казахстанского ученого-синолога Ю.А. Зуева. Исследование тюркского манихейства, выявление и анализ по письменным китайским, тюркским, византийским источникам тюркского манихейства, сама постановка вопроса о тюркском манихействе, идеологические и культурные связи манихейства в тюркской среде, пути распространения учения, огромное значение манихейства в истории и культуре тюркских племен были поставлены в его исследования. На основе анализа письменных, археологических и историографических материалов Ю.А. Зуев отмечал: «В древнетюркское время в орбиту манихейских конфессиональных связей было вовлечено большинство тюркских племен. В первую очередь это западные тюрки, тюргешы и каратюргешы с входящими в их состав племенами ас и тухс, чигили, чумули, карлуки, кимеки, байарку, кара-йагма и карагиль; племена Тюркского каганата и Второго Уйгурского каганата, шада, чахат-джалаиры и чаган-татары» (Зуев, с. 259). Воротами в мир тюрков-кочевников была страна Аргу-Талас или Талас, где была широко распространена согдийская торговая деятельность.

Изобразительному мотиву льва в прикладном искусстве Казахстана посвящено исследование Т.Н. Сениговой и Р.З. Бурнашевой (Сенигова,

Бурнашева, с. 65-81). Археологической истории древнего Казахстана широко известны изобразительные мотивы льва с VII в. до н.э., распространенные в Центральном, Южном Казахстане, в Приаралье, относящиеся ко времени саков, усуней и юэчжи, а также продолжавшие существовать в тюркскую эпоху и более поздние времена. Комплекс исследованных Т.Н. Сениговой и Р.З. Бурнашевой предметов с изображениями льва относится к городищу Тараз в VIII в., когда по сведениям «Священной книги двух основ» чигиль-арсланы исповедовали манихейство. Интересны изобразительные мотивы льва в виде клейма на глиняных хумах, возможно, восходящих к соответствующим сасанидским мотивам, причем как отмечают исследователи: «На исследованных тараских материалах мы видим местную переработку Сасанидской манеры искусства, выраженной в контурной технике передачи в профиль разъяренного хищника с оскаленной пастью и с приподнятой лапой, но заключенного в отдельную рамку» (Сенигова, Бурнашева, с. 71). Подобные изображения льва в виде клейма на хумах использовались на жженных кирпичах из Коктумы (Восточное Семиречье, X-XIII вв.). Клеймо на хумах или кирпичах или плитах в это время, вероятно, мотив берущий начало в манихейском представлении и печати, как образа темных сил, заключенного в клеймо.

В «Изначальной черепахе императорской библиотеки» под 644 г. имеется первое китайское сообщение о карлуках, которые названы в источнике ши-гэлолу, т.е. шир-карлуки (Зуев, с. 215). Обозначение термина шир/шер встречается в тексте надписи Кюли-Чору (стк. 21). В надписи говорится о трехлетней войне между тюрками и карлуками (709-711 гг.). Предводитель карлуков носил титул шир-иркин. Дж. Клоусон и Э. Трыярский отмечали, что термин «шир» может быть идентифицирован с центральным словом в тексте надписи Тоньюкука «тюрк-шир будун» (Тон, 3, 11, 61) (Clauson, Tryjarski, с. 19). В одном из документов «Полного собрания документов династии Тан» сообщается, что асалань сыцзинь, т.е. Арслан-иркин добивался танского подданства. К монгольскому времени относится сообщение о карлукском предводителе Арслан-хане (Зуев, с. 215). Вероятно, что для карлуков титул арслан или шир был традиционным. Описанный Гильомом де Рубруком манихейский храм в столице карлуков Каялыке имеет прямое отношение к рассматриваемому образу льва и пониманию его именно как манихейского символа (Байпаков,

Терновоя, с. 33-35). Образование династии Караханидов связано с автохтонным населением Карлукского каганата, с племенами ягма, чигиль, тухси, карлук, аз. Власть в государстве была поделена между знатью двух племен – чигиль и ягма, которые составляли ядро карлуков. Имя-титул арслан долгое время сохраняется в титулатуре правителей этих государств.

Образ льва становятся обычными в системе мировоззрения и верований в тюркский период, они входят в состав многих легенд и мифологий в более позднюю эпоху и составляют целый пласт в фольклорном творчестве тюркоязычных народов (Манас).

ЛИТЕРАТУРА

1. Madhuvanti Ghose. Nana: the "Original" Goddess on the Lion – Journal of Inner Asian Art and Archaeology, n. 1, 2006.
2. Виденгрэн Г. Мани и манихейство. – СПб, 2001.
3. Зуев Ю.А. Ранние тюрки. Очерки истории и идеологии. Алматы, 2002.
4. Alois van Tongerloo. La structure de la communauté Manicheenne dans le Turkesstan Chinois a la lumiere des emprunts moyen-iraniens en Ouigour // Central Asiatic Journal, 1982, t. 26, n. ?.
5. Кефалайа («Главы»). Коптский манихейский трактат. – Пер. с коптского, исследование, комментарий, глоссарий и указатель Е.Б. Смагиной. – М., 1998.
6. Кац А.Л. Манихейство в Римской империи по данным Acta Archelai // Вестник древней истории, 1955
7. Klimkeit H.-J. Manichäische und buddhistische Beichtformeln aus Turfan. Beobachtungen zur Beziehung zwischen Gnosis und Mahayana // Zeitschrift für Religion und Geistesgeschichte. Т. 29. Berlin, 1977.
8. Кызласов Л.Р. Открытие государственной религии древних хакасов. Москва-Абакан, 1999.
9. Дьяконова Н.В., Смирнова О.И. К вопросу о культе Нана (Анахиты) в Согде // Советская археология, 1961, № 1.
10. Менандр. Продолжение истории Агафьевой. – Византийские историки. Пер. с греч. С. Дестуниса, СПб., 1861.
11. Chavannes Ed. Documents sur les T^{ou}-kiue (Tures Occidentaux. St.Pb., 1903.
12. Лившиц В.А. Согдийские документы из Самарканда. – Центральная Азия. Новые памятники письменности и искусства. М., 1987
13. Зуев Ю.А., Торланбаева К.У. Манихейство и Талас (к интерпретации древнетюркских надписей). // Тамыр. – Алматы, 2002, № 1 (6).
14. Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. (Общетюркские и межтюркские основы на гласные). М., 1974.
15. Древнетюркский словарь. Л., 1969.
16. Henning W. B. Argi and the "Tokharians" // Selected papers. Leiden, 1977.
17. Marquart J. Ueber das Volkstum der Komanen. Abhandlungen der königlichen Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen, philologisch - historische Klasse. Neue Folge. Bd. XIII, 1914, № 1.
18. Габэн А. От Отыюкена до Иди-кут-Шари. // Selected papers. 1976.
19. Кляшторный С. Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1964.
20. Махмуд Кашгарий. Туркий сүзлар девони (Девони луготит турк). Т. I, Ташкент, 1960 или турецкое издание Mahmud al-Kasgari. Divanu lugat-it-turk tercumesi, Ankara, 1985, Cilt III, 452 с.
21. Сенигова Т.Н., Бурнашева Р.З. Изобразительный мотив льва в прикладном искусстве древнего Казахстана. – Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана. Алма-Ата, 1980.
22. Clauson G., Tryjarski Ed. The inscription at Ikhe Khushotu. – Rocznik Orientalozn. Т. 34, z. 1, 1971.
23. Байпаков К.М. Терновоя Г.А. Сведения о манихейском храме Каялыка. // Культурное наследие Южного Казахстана. Шымкент, 2002.

Резюме

Орталық Азия халықтарының мәдениет пен дініндегі арыстан кейіпін талдауға тырысты. Арыстан кейіпіннің культы түп тамыры терең және мәдениет ескерткіштерінде, гербтер мен скульптураларында орын алады. Манихейлікте арыстан кейіпі қаралар патшалығымен байланысты, ал түркі кезінің діни наным-сенім жүйесінде арыстан кейіпі қарапайым мағынаға ие болып ешқандай маңыздылыққа ие болмады.

Summary

In this article the author analyzes an image of a lion in culture and religions of the peoples of the Central Asia. The cult a lion has ancient roots and is reflected as monuments of the culture, the arms, a sculpture. In manicheism the image of a lion was connected to representations about Tsar Dark. Cult of a lion become usual in the system of outlook and beliefs in the Turkic period.